

Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому.

(1833—1834 г.).

Письма Гоголя, предлагаемыя нынѣ вниманію читателей, относятся къ лучшей порѣ жизни и таланта великаго писателя и дополняютъ прежній матеріалъ для объясненія его внутренней жизни и характера въ ту пору. Они дышатъ юношескою свѣжестью, говорливостію на раслашку, желаніемъ развеселить любимаго товарища. Въ нихъ подтверждаются вновь тѣ черты, которыя мы уже знаемъ въ Гоголѣ, — его сердечная память о товарищахъ, его прямое участіе въ судьбѣ ихъ, заботливость объ ихъ лучшей участи, желаніе помочь имъ словомъ и дѣломъ, его живые рассказы и распросы объ нихъ, — черты, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ однокашникахъ, особенно нынѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь дорожитъ полнотою писемъ товарища и даетъ ему обильный матеріалъ для отвѣта, предлагая множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

Подлинники писемъ написаны на листахъ въ осьмушку, съ немногими поправками и поправками, съ обычными Гоголю орфографическими описками и опечатками, которыхъ мы не сочли нужныхъ воспроизводить здѣсь. Первое изъ этихъ писемъ написано старательно, тонкимъ, какъ-бы жепскимъ, почеркомъ; другія два съ большею свободой, бѣглымъ, крупнымъ почеркомъ. Личность В. В. Тарновскаго, корреспондента Гоголя, товарища его на нѣжинской гимназіи, уже извѣстна читателямъ «Кіевской Старины» изъ писемъ къ нему Шевченка. Подлинники писемъ хранятся у сына его, В. В., и сберегаются съ любовью, достойною великаго писателя. Въ печатаемыхъ письмахъ мы прилагаемъ нѣсколько необходимыхъ поясненій.

I.

1833 г., октября 2, Спб.

«Фу ты пронасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій ¹⁾ весною не нашелъ меня, въ продолженіи-же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть весны живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ-бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, не смотря на два года антракта ²⁾. Освѣдомлялся о твоёмъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою минуою» (и) у *настоящаго* ³⁾; но ни одинъ изъ нихъ не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странной карьеры и находится, не смотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопрістойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что значитъ именно волынская, и что литовская, и что гродненская, и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку ⁴⁾ Но Рудановскій съ письмомъ твоимъ весьма во время уредилъ мени. И такъ, ты находишься въ Житомирѣ... Житомиръ! Клянусь Иисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить это имя. Одинъ разъ, когда Мойсеевъ ⁵⁾ спрашивалъ урокъ, а другой нынѣ. Житомиръ!... у тебя должно быть много слушателей жидовъ. Тебѣ

¹⁾ Товарищъ по пѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впоследствии кавказскій генералъ.

²⁾ Значить, былъ письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

³⁾ Подъ дядюшкой «съ сладкою минуою» Гоголь разумѣлъ Григ. Ст. Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, сконч. 1853 г., дек. 9. Въ то-же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

⁴⁾ Антоновка—село пирятинскаго уѣзда, полт. губ., принадлежит нынѣ брату Вас. Вас., Владиміру Вас.

⁵⁾ Мойсеевъ—профессоръ русской исторіи и статистики въ пѣжинской гимназіи (1820—1837 г.).

должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каедрой. Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ-ли ты или гость? Какова твоя даже квартира, и проч., и проч.?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою; должно думать, что все такъ-же, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноклассники ¹⁾ всё, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выщущенной актрисѣ. Прокоповичъ Василій получилъ х ²⁾. Кукольникъ наваялъ дюжину трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя на должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служить не въ военной, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. *Благотривостойный*, иначе Николай Бороздинъ, кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ-же мастерски умѣетъ плясать, какъ и прежде. Прочія лица такъ-же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ-ли ты, или не слыхалъ-ли чего-нибудь о Лукашевичѣ, особенно о Высоцкомъ, и что Редкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ быть, и я роспишусь.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 97, артиста Лепена, прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

¹⁾ Гоголь составляетъ свое слово (вмѣсто одноклассника), которымъ хочетъ обозначить не одного товарища по выпуску, но вообще земляковъ, полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, студенты *разныхъ* выпусковъ, а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназій; только Данилевскій одного выпуска съ Гоголемъ (1828 г.).

²⁾ Крѣпкое словечко, одно изъ тѣхъ, которыя Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ къ короткимъ друзьямъ.

II.

Спб., 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь [„э, Василь! а що, якъ-бы гимназія сгорѣла?“] ¹⁾, извини, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; но ничего этого не случилось. Я по прежнему пребываю въ Питарѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на фрунцузскомъ.

Что, видѣлъ-ли ты Редкина? Онъ побѣхалъ на мѣсяцъ поლობызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если-же ты будешь въ Житомирѣ, то по краткости времени не можеть заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что боляцій? что дядюшка Гриша Степановичъ? Что поизъ, который говоритъ: „и чого-бъ таки сидитъ такъ? вы-бъ таки або жали, або танцювали и такъ и такъ!“ Бывасяшь-ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежать дорога домой. Я слышала, что Вѣлоусова дѣла ²⁾ довольно понравились, я этому очень радъ. Да, пожалуста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто приѣду и поколочу его на веѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянъ така! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше, какъ я отъ него ни строки

¹⁾ Гоголь очевидно воспоминаеть ту фразу, которою часто объѣивались школьничк-товарищи въ низшихъ классахъ (а, пожалуй, объѣиваются и нынѣ) о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было-бы хорошо, еслибы гимназія сгорѣла! Насъ-бы роспустили!» ... и проч.

²⁾ Вѣлоусовъ—профессоръ и инспекторъ иѣжинскій гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ своихъ товарищей, и только въ 1834 г. онъ приобрѣлъ себѣ покровительство графа Леванева, кіевскаго генер.-губерн., и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Иѣжинскіе профессора—больше бестіи», писалъ по этому поводу Гоголь.

не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мѣ ни двухъ запятыхъ ¹⁾ до сихъ поръ не написалъ, и я не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему—особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что выпнуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится. Что, какъ твое здорье? Какъ с..... ты, въ крутъ или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Также на счетъ поясицы и прочихъ почечуиностей. Каково идетъ ваша житомирская гимназія? Часто-ли посѣщаетъ васъ пресловутый Б...? ²⁾ Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно-ли это? Новый университетъ! тутъ-бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лица. Я сажъ было думать въ кіевскій университетъ, да къ счастью несошелся съ вашими Б., остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго профессора.

Не слышалъ-ли чегонибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ ³⁾, или о Высоцкомъ? Выдаешь-ли Маркова? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь-ли хорошій аппетитъ и чѣмъ именно болѣе всего обжираться—арбузами, или дынями, или грушами? Много-ли ходишь, прогуливаешься и вообще дѣлаешь муціону (sic!), и есть-ли у васъ гдѣнибудь такія мѣста, гдѣ можно прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житомиръ? И какой у..... ⁴⁾ обыкновенно употребляешь—фаянсовый, или мѣдный?

Впрочемъ, да храниятъ тебя вышнія власти!

Будь здоровъ, ниши я не забывай твоего Гог... ⁵⁾.

¹⁾ Въместо *ни двухъ запятыхъ* прежде было написано *ни строчки*; но Гоголь, какъ видно, перечитывая это письмо и замѣтивъ повтореніе одного и того-же слова. Въ это время Гоголь по-два и по-три письма въ мѣсяцъ писалъ Максимовичу, интересуясь Кіевомъ.

²⁾ Бракке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не любилъ за то, что Бракке предпочелъ ему проф. Цыха на кафедрѣ всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

³⁾ Во второй разъ уже Гоголь вспоминаетъ о Лукашевичѣ, но въ спискѣ его товарищей мы не находимъ этого имени. Марковъ—товарищъ Гоголя, одного съ нимъ выгнана.

⁴⁾ Опять крѣпкое словечко.

⁵⁾ Въ подписи можно разобрать только «Гог.», а все остальное сдѣлалось въ самую проказливую завитушкѣ, словно у Гоголя перо закружилось.

III).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошо, братецъ, ты! Пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20. Между тѣмъ какъ письмо изъ Житомира идетъ никогда не больше 10 дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ-же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ. Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота-же возиться съ этою дрянью, каковы наприѣръ Мазепкѣчъ-Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе ²⁾. Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу; но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь-ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководишься? Есть-ли у тебя Исторія Мишелелова, или средняя Демишеля, и если неполюна, то, по крайней мѣрѣ, Précis? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить малепькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Побжалуста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча ³⁾. Впрочемъ, да хранить тебя Богъ отъ всего злаго и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой Гоголь.

¹⁾ Третье письмо не имѣетъ на себѣ никакой даты, но мы относимъ его къ осени 1834 года и ставимъ непосредственно за предыдущими, какъ по связи содержанія и хронологическому намеку, такъ и по сходству почерка съ предыдущимъ.

²⁾ Все это — тогдашніе учителя нѣжинской гимназій: Самойленко — учитель географіи, Лопушевскій — ариометяки, Урсо — фехтованія.

³⁾ Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ; вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу; отъ 22 января:

„Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ житомирской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя-ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закинетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволевъ“.

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

„Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится-ли онъ переимѣнить предметъ. А что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно привести слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ-ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиповъ, ни повышеній; ни честолюбія. Если-бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я-бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значить имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка“¹⁾).

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій согласился поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ предъ понечителемъ; но Брэдке не внявъ его представленію, не принявъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова²⁾).

Сообщилъ С. Пономаревъ.

¹⁾ Сочин. и письма Гоголя, изд. 1857 г., т. V, стр. 231 и 237.

²⁾ Письма о Кіевѣ, М. Максимовича, Спб. 1871 г., стр. 59.